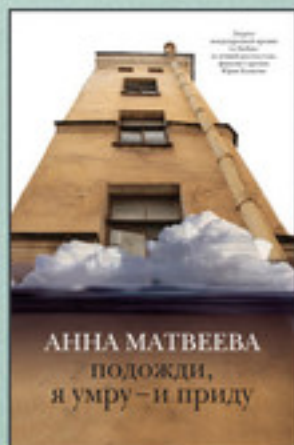

Анна Матвеева

Под факелом

*Часть сборника
Подожди, я умру – и приду
(сборник)*

Анна Матвеева

Под факелом

«АСТ»

2012

Матвеева А. А.

Под факелом / А. А. Матвеева — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-457-23632-5

«Платоныч сидел на причале, смотрел на мужика с удавом и мужика с саксофоном. До катера оставался целый час: большой круглый циферблат висел на цепи, как медальон, и стрелки было видно издалека. Мужик с удавом и мужик с саксофоном знали, что времени навалом. Отдыхали...»

ISBN 978-5-457-23632-5

© Матвеева А. А., 2012

© АСТ, 2012

Анна Матвеева

Под факелом

Платоныч сидел на причале, смотрел на мужика с удавом и мужика с саксофоном.

До катера оставался целый час: большой круглый циферблат висел на цепи, как медальон, и стрелки было видно издалека. Мужик с удавом и мужик с саксофоном знали, что времени навалом. Отдыхали. Удавщик дремал, поглядывая, впрочем, на сумку с кормильцем привычно встревоженным взглядом – как мать на младенца. Саксофонист, казалось, и вовсе крепко спал, во сне подергивая губами. Платоныч вспомнил Ленку Снегиреву из консерватории – она говорила, что с духовыми противно целоваться. Это сохранилось в памяти, и красный свитер с черными точками сохранился, а сама Ленка – нет. Так что слово «вспомнил» здесь не очень подходит, Руфь его, наверное, вычеркнула бы. Платоныч вспомнил (вот тут это слово подходит без всяких оговорок) жену, увидел ее будто наяву – пижама в серую клеточку, тонкий, словно из-под бельевого прищепки, нос. Даже не нос – изящный намек на него. Поллитровая чашка кофе, очки на цепочках, стопа бумаги справа, стопа – слева. Как хорошо, что ее здесь нет!

Май в Бэттери-парке, два самых любимых цвета Платоныча – ивово-зеленой листвы и свежего неба. Даже эти, которые скребут по небу, не портят вид. Смотри да радуйся! Дожил, добрался, доехал.

Мужик с удавом зевнул широко, как лев, клацнул зубами и устало потер рукой глаза. Тоже, наверное, считает, что слишком много работает. И что жизнь его обманула. Поманила, а потом выставила прочь.

На скамейку Платоныча прыгнула черная белочка – если выражаться корректно, «цветная». Руфь большая специалистка по части политкорректности. С гастарбайтерами раскланивается, как с профессурой, и читает нотации соседским детям:

– Нельзя называть человека чуркой! Это неуважение!

Соседская мама (по профессии – флорист) однажды швырнула ей в спину, как комок грязи:

– Своих рожала бы да воспитывала.

Руфь на мгновенье вспыхнула, и Платонычу стало ее жалко. Тоже на мгновенье. Здесь виной не меряются, конечно, но не в нем было дело. Хотя, если честно, никогда они не переживали свою бездетность так, как это делали за них окружающие. Старухи шептались, молодые мамки прятали от Руфи детские личики («бездетная – глазливая»), мужики сочувственно трепали Платоныча по плечу, из жалости звали «как-нибудь на рыбалку».

Как хорошо, что удавщик и саксофонист не зовут его на рыбалку! Что им дела нет до соседа по скамейке, как и до неполиткорректной белочки с мелко трясущимся хвостом. Благословен будь в своем равнодушии, Новый Йорк!

Платоныч встал, закрыл глаза и вытянул руки вперед, будто принял по строгому врачебному приказу позу Ромберга. «Явственное покачивание в позе Ромберга», – вдруг вспомнилось ему. Эти слова произносил кто-то из прошлого, из давней студенческой компании. Медики развлекали музыкантов историями про ночные вызовы, журналисты запоминали детали и термины.

– А вот я бы хотела попасть на вскрытие! – дерзко сказала девушка в клетчатой юбке. Юбка была из набора скромницы, как и длинная коса и скрипка в футляре, которую девушка таскала за собой повсюду в надежде – вдруг попросят сыграть? И тогда можно будет показать всё сразу: и быстрые пальчики, и покорную шею, и глаза, полузакрытые в экстазе.

– На стол или посмотреть? – отозвался будущий врач Иван Орлов, которого в компании звали Орел Иванов.

– Как смешно! – обиделась музыкантша. – Мне хочется увидеть эти мертвые тела.

«Идиотка», – решил Платоныч. Он тогда был, кстати, еще не Платоныч, а студент второго курса журфака Алексей Платонов. И рядом с ним сидели две одногруппницы, Оля-как-ее-там и безымянная брюнетка, такая красивая, что было стыдно думать о ней, не то что смотреть на нее.

– Ну, если хочется, значит, пойдем! – развел руками Орел Иванов, и Алексей подумал, что они правда похожи на орлиные крылья. Голова у Орла была бритой, с вмятинами, как на переспевшем персике, на шее висела золотая цепь с медальоном – вот как эти часы на причале, а глаза – голубые, с красными прожилками. Будущий педиатр.

– Пойдем, пойдем! – запрыгала девчущка со скрипкой.

Грудь ее не соответствовала общему замыслу, выбивалась из него в прямом и переносном смысле – и тоже прыгала вверх-вниз. Орел зачарованно следил за процессом, брюнетка возмущенно отвернулась.

– Ирина, ты с нами? – Скрипачка схватила брюнетку за руку, и та кивнула, без всякой, впрочем, охоты. Оля-как-ее-там к тому времени испарилась, зато пришла Ленка безликая Снегирева в красном свитере и с Тромбоном. Совсем недавно у нее был Гобой Сережа, потом его сменил Тромбон, тоже Сережа, которого медики быстро переименовали в Тромба.

Странно всё вспоминается – частями, заплатами.

Руфь в последние годы увлеклась аппликациями – клеила их из всего, что попадалось под руку, – тоже какие-то заплатки, частички подобранной жизни, своей и чужой. Платоныч однажды увидел в альбоме осенние листья и бумажные клочки с подплывшими фиолетовыми буквами, бессмысленными закорючками, а ниже – окончательная мерзость, чьи-то локоны, тоже включенные в композицию.

Когда жена собирала пазлы, это было еще куда ни шло – сидела сгорбившись за большим столом и просеивала неровные фрагменты.

– Труднее всего с небесами, – вздыхала.

Платоныч от жалости к ней, от безразличности, замолкал, уходил из дому, а вернувшись, видел всё ту же круглую спину, одно плечо выше другого. Телевизор бубнит что-то тихое, сам для себя, на столике кусочек неба. Размером с овчинку.

Алексей Платонов не хотел идти в морг – но на него смотрели все девушки, и то ли ради Ирины, то ли ради грудастой скрипачки Аси согласился. Гадкая затея, но каждый был молод и смерти ни в каком виде не боялся. Она могла иметь отношение к кому угодно, только не к ним. Ася отдала Платонову футляр с инструментом, он не знал, как это расценивать – шанс? Или записали в друзья-носильщики? Ася подпрыгивала на ходу, как маленькая девочка, Орел шагал налегке, заинтересованно хмурясь, слушал болтовню Снегиревой, а Тромб донимал разговором Ирину. Лучше бы сыграл тревожную музыку. Еще были какие-то люди: медики, музыканты, журналисты – вполне внушительная толпа. Сойдет за группу практикантов.

Руфь сделала бы здесь аппликацию: осеннее небо (бумага, вымоченная в луже), скелетики из детской настольной игры, пририсованные слезы. Может быть, нотный стан с пирамидками аккордов.

Орел натащил откуда-то белых халатов, все смеялись, девчонки недовольно разглядывали себя в зеркале: слишком широкая одежда, фигуру не видно! И пуговицы разные, будто вставные глаза у старых плюшевых игрушек.

У входа в анатомичку вергилий Иванов пошептался с какой-то женщиной тридцати преклонных лет, тарасившей глаза на пришельцев. Скрипачка Ася еле сдерживала, давила смех, как простуженный зритель кашель в партере. Потом дверь открылась, ударил в нос едкий запах, и Орел стащил простыню с мертвого тела.

Алексей ничего не успел увидеть, кроме того, как соскользнула вниз – словно у спящего – неживая рука. Ему хватило.

Приятель столпилась у стола, девчонки громко ахали, Тромб неловко повернулся и задел разложенные инструменты. Что-то упало, зазвенело, покатилося, лязгнуло. «Нож упал – мужик придет», – вспомнилась старая присказка. Платонов аккуратно прислонил черный футляр к стене и пошел прочь. Нож упал – мужик уйдет. Этажи, лестницы, потолки, лепнина.

– Вы домой в халате собрались? – насмешливый голос.

Медичка. Губки, зубки, ножки, сережки.

Платонов выпростался из халата, бросил его на скамейку. Девушка подняла белое одеяние, аккуратно сложила – как продавщица в магазине складывает рубашку, которая «не подошла».

Так они познакомились – Алексей Платонов и Руфина.

– А. Платонов? – усмехнулась. – Ну, знаешь, с таким именем в писатели не ходят. Уже занято!

Руфь сразу же решила, что Платоныч станет писателем. Именно она придумала ему псевдоним «Марк Платонов», а себя велела звать Руфью.

– Гой ты Руфь моя родная, – пропел Орел, когда Платонов спустя несколько недель привел подругу в компанию. Руфь ответила будущему педиатру долгим, как финальная нота в арии, взглядом, в котором, кроме ненависти, было что-то еще.

Она училась на стоматолога, но в начале второго курса поняла, что медицину придумали не для нее.

– Буду исследовать не зубы, а души, – что-то такое сказала Руфь, прежде чем унести документы в деканат философского, где давно привыкли к беглым медикам.

Она быстро подружилась с Ириной, Олей-как-ее-там, Снегиревой, терпела даже маленькую скрипачку, которая на втором курсе перестала таскать всюду свою скрипку – и теперь носила с собой книжки Гачева.

Платонов к тому времени стал для всех Платонычем – полуотчество, недофамилия. Переводится как «верный друг, которым легко и удобно помыкать, приятен, никогда не обижается».

– Они не ценят, не понимают, не отражают твой талант! – сердилась Руфь. – Я, конечно, люблю и Орла, и девчонок, и даже Тромба, но разве можно их сравнивать с тобой?

Сережа-тромбон к тому времени приобрел винно-красный цвет лица – не хотелось выяснять, отчего, освоил гобой д’амур и укрепился в компании в отличие от рано упорхнувшей Снегиревой. Ленка вышла замуж на третьем курсе – за технаря, чужака, и как будто вышагнула со сцены. Платоныч запомнил, что молодые венчались, первыми в его жизни. Зрелище показалось ему нелепым, но дивным. Золотой венец над головой и белое, взбитое платье Ленки он видел перед собой и сейчас, а лицо ее – нет. На месте жениха и вовсе расплывалась нечеткая клякса с бородой, в потешном, из нашего времени глядячи, двубортном костюме. Еще одна деталь уцелела – усы у жениха были тонкие, вытекали из носа, словно две узкие блестящие реки.

Тромб также присутствовал на таинстве, он легко пережил разлуку с Ленкой. Улыбался во весь карьер и напористо ухаживал за самыми юными девушками.

– Двадцать два – мой потолок, – заявил он однажды Орлу, и тот не нашел что ответить.

С Гудзона прилетел далекий гудок – словно робкий голос гобоя. Удавщик и саксофонист встрепнулись, но тут же снова задремали. Время текло здесь так медленно, как нигде в Нью-Йорке. Во всех других районах города время торопили, рассчитывали, подгоняли и тратили – оно скапливалось, оседало в Бэттери-парке.

Саксофонист бросил черной белке кусочек хлеба – она вначале отпрыгнула от него, а потом подбежала, принялась и повернулась к мужикам с таким негодованием на мордочке, что они рассмеялись. Все трое, включая Платоныча. Зубы у этих работников улицы были сахарно-белыми, как у людей, которые никогда в жизни не пробовали сахара.

Кораблик должен был прийти с минуты на минуту. К причалу подтягивалась публика – туристы, группа школьников – невероятно толстых, как показалось Платонычу, под руководством миловидной учительки-мулатки, тоже, впрочем, весом килограммов в восемьдесят. Все же Платоныч на всякий случай выпрямил спину, поправил очки. Раньше Руфь всегда говорила, что ему идут очки.

– А в линзах у кого угодно будет глупый вид! – это она начала добавлять в последние годы.

Первый рассказ Марка Платонова назывался «Пелагиаль». Не какое-нибудь там «В лесу» или «На баррикадах»! Пелагиаль, глубина глубин. Язык – сочный, как его омоним на тарелке. Ружья стреляют, персонажи уверенно шагают к финалу – и не на глиняных, не на картонных ногах. Руфь сказала:

– Так хорошо, что даже страшно!

Зубки, губки, ножки, сережки. Легкий локон, прибившийся к уху, волоски, случайно скрепленные ювелирным замком. Они поженились в конце июня, затерялись среди школьных выпускников, которые буйно встречали в тот день свою взрослую жизнь.

Платоныч окончил журфак, после практики остался в городской газете, через два года Руфь стала дипломированным философом. Как все тогда, оба зачитывались Набоковым и о нем, и Руфь примеряла на себя роль Веры. Хорошая роль – богатая, неоднозначная, есть что играть. Платоныч не сразу разобрался, что и он тоже – в игре. При всей своей обчитанности он так мало видел и знал... Любое интервью становилось для него событием. А многие из тех, кого он расспрашивал, задерживались в жизни надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.